

Лера Колосок

Я люблю тебя

18+

Лера Владимировна Колосок

Я люблю тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64062176

SelfPub; 2022

Аннотация

Девочка еще с детского сада мечтала стать артисткой. Она настойчиво шла к своей цели. Лиза стала известной и популярной артисткой. Но ее жизнь была усеяна не только цветами, но и шипами. Эта книга о любви матери и дочери. О любви мужчины и женщины.

Содержание

Часть 1	4
Лизонька	22
Антон Павлович	28
Институт	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лера Колосок

Я люблю тебя

Часть 1

Настя

Настя учится в пятом классе в небольшой деревенской школе. Учителя на нее не нарадуются, приводят ее всем в пример.

– И прилежная, и аккуратная, учится на 4 и 5, серьезная, и не по годам строгая, староста в классе.

Дома Настя кроме уроков еще успевает помогать маме по хозяйству. И постирает, и кушать сготовит, посуду помоеет, дома приберет, скотину накормит, в огороде прополет, польет, Клавдия на нее не нарадуется.

– Повезло тебе Клавка с дочкой. Мужика нет, так хоть с дочкой повезло. Такая умница растет. На старости лет кормилица будет. Образование получит в город уедет и тебя увезет, городская будешь.

– Ой, да бросьте вы бабы болтать. Девка как девка. По строже воспитывать надо детей, тогда только с них толк какой-то может выйти.

– Да. У тебя Клавка не забалует.

– Да. Что не так, быстро за космы схватила, веником отходила, сразу шелковая будет.

– Да ты что Клавка. Неужто такую девку послушную ты еще и за космы и веником? Сердца у тебя нет Клавка.

– Да если бы я ее так строго не воспитывала, была бы такая же как Наташка или как Людка. Прости Господи, не путевые девки. Только и знают что шлендать по улице, да вечером по огородам шнырять.

– А ты видела?

– Видела. Не видела бы так и не говорила. А еще раз залезут, ноги по переломаяю, собаку на них спущу. Пушай потом бегают плачутся, не повадно будет.

– Да тьфу на тебя Клавка. Злая ты Клавка.

– Да с чего ж мне доброй то быть. Мужик то мой так и не вернулся. Она вытирала слезы уголком платочка и всхлипывала.

– Ну ладно тебе Клавка. На дочку то не стоняй свою бабскую тоску.

– Моя дочка. Буду воспитывать как знаю. Без мужика рощу. А вы ко мне не лезьте. А то еще сглазите мою Настьку.

– Ой. Да кто к тебе лезет.

– Ой да больно кому нужно к тебе лезть. Кому ты нужна сто лет.

По пути в школу на улице, Настя встречала одноклассника Петю. Он жил на соседней улице. Он или гонял на самодедном самокате, или с пацанами играл в футбол. Увидев

Петра, Настя остановилась.

– Петь. Слышь че? Пойдем в школу.

– Да пошла ты со своей школой. Иди сама пятерки зарабатывай. Не хочу я в школу и не пойду. Рядом стоящие малыши смеялись и дразнили Настю.

– Петь. А сегодня по истории интересно будет.

– Расскажешь про что?

– Пойдем в школу сам узнаешь. Там так здорово.

– Ой. Не охота мне.

– Тогда не узнаешь.

– Ну потом ты мне расскажешь.

– Больно мне надо. Мне мамке дома по хозяйству помогать надо. Уроки делать. Бери портфель, я тебя здесь подожду.

– Ладно жди. Так постепенно Настя приучала Петра к школе, заходила за ним по пути и тащила его почти насильно.

– Настя то молодец какая. Нашего то за уши в школу тащит. Может с нашего оболтуса толк выйдет, а то растет лоботрясом. Радовался отец Петра.

– Да дай то Бог. Дай Бог, а то сладу с ним совсем нет. Распустил мальчика.

– А я что?

– Что. Взял бы ремень, да выпорол его как следует.

– Да? Выпорешь его. Он уже сам кого хочешь выпорет. Лоб здоровый стал, меня уже ростом догоняет.

По дороге из школы Настя рассказывала Петру что-нибудь интересное по школьной программе и не только.

– А откуда ты это все знаешь? Мы это еще не проходили.

– А заглянуть в учебник в перед, а почитать новую литературу в школьной библиотеке лень? Да?

– Да мне бы хоть эту школьную программу одолеть, чтобы двоек не было.

– И троек тоже. Вот ты кем хочешь стать, когда вырастишь?

– Я еще не знаю. Я еще не думал об этом.

– Кем бы не мечтал стать, куда ты с тройками поступишь? Не куда. Будешь трактористом в колхозе работать. Весь в мазуте.

– Почему. Можно и агрономом работать. Чистенько. И ничего делать не надо, оно само все растет в поле.

– Агрономом? Тоже учиться надо.

– Да?

– А как ты думал. Это вообще целая наука.

– А где учиться не надо? Я туда работать пойду.

– За поросятами и коровами навоз убирать.

– Нет. Там сильно воняет. Я заходил к мамке в коровник.

Сразу убежал. А ты кем хочешь стать, когда вырастишь?

– Учительницей.

– Ха. Ха. Ха. Мучительницей. Будешь так же детей мучить, как меня сейчас мучаешь. Ой я не могу.

– Ну ты сам подумай. Без учебы же никуда не денешься.

– Может быть. Конечно. Это так, наверное. Но тебе нравится учиться, а мне нравится на самокате гонять. Скорость, ветер в лицо. Куда хочешь быстро приехал. Я не люблю ходить пешком.

– Тогда тебе нужно закончить курсы водителей. Ездить на машине, тоже не плохо.

– Все. Теперь у меня тоже будет мечта. Ура! Буду на машине гонять.

– Но на водителя тоже нужно учиться. Вот сломается машина в поле и будешь сидеть плакать. А если зимой, то и замерзнуть можешь. Ты ее сам должен научиться ремонтировать.

– Хорошо. Я буду учиться. Я буду стараться. У меня теперь есть моя мечта.

– Правильно. Настрой себя. Зимой учиться, а на самокате и в футбол играть для этого есть целое лето.

Прошло три года. Настя и Петр заканчивали восьмой класс. Петр пошел на курсы водителей, а Настя поступила в педагогическое училище. Через два года Настя вернулась домой, работала в школьной библиотеке. Петр зашел к Насте в библиотеку.

– Насть. Слышь? Почему ты на танцы не приходишь? Насть. Ну что ты молчишь? Будешь меня с армии ждать?

– А почему я?

– А кто? Насть.

– Я слышала, что ты с Наташей встречаешься.

– Ой. Кого ты слушаешь? Эти бабы наболтают. Ну проводил ее пару раз с танцев домой. Ну с Людкой потанцевал.

– Да? Еще и Люда? А я не знала про Люду.

– Да зачем мне эти плясуньи пустышки. Мне нужна жена серьезная, образованная.

– А они не образованные?

– Какие же они образованные, эти доярки? На танцы при-
дешь?

– Нет.

– Почему?

– Танцуй с Людой и Наташей. Или кто у тебя там еще есть.

– Да там много кто есть. Что я виноват, что девки возле меня крутятся. Но мне нужна только ты. Дурочка ты. Я только тебя одну люблю. Ну и пусть они там возле меня крутятся, но женюсь то я только на тебе. Настенька выходи сегодня вечером к пруду как стемнеет. Я тебя там ждать буду.

Вечерело. Клава прилегла отдохнуть. Настя тихонечко пошла на выход. Дверь скрипнула.

– Настя. Закричала мать. Ты куда?

– Выйду на улицу. Что-то пес скулит.

– Ничего он не скулит. Сядь. Куда собралась? Ты что молчишь. Ты чего прячешь свои глаза бесстыжие. А ну-ка быстро раздевайся и спать ложись. На гулянку собралась? Я тебе сейчас гулянку-то налажу. Враз у меня остынешь. Или тебе напомнить, как мать слушаться надо. Космы то твои быстро по выдергиваю.

Петр зашел к Насте в библиотеку.

– Только здесь с тобой и можно повидаться. Почему не приходишь? Я три вечера до ночи тебя ждал.

– Мать не пускает.

– Она у тебя строгая. Так, когда же мы с тобой встретимся?

– Вот придешь с армии и поженимся как ты обещал.

– Насть. А может сватов к тебе в дом заслать? Ну чтоб все знали, что ты теперь моя невеста.

– Не знаю. Как хочешь. Хоть невеста, хоть не невеста, мать все равно меня никуда не отпустит.

– Ну ты с армии то меня ждать будешь?

– Да.

– А писать то мне будешь?

– Да.

– Настенька. Только ты одна в моей жизни. Только ты одна мне нужна. Только тебя одну люблю. Настенька. Я люблю тебя.

Петра забрали в армию. Настя поступила в пединститут на заочное отделение. Работала в библиотеке. Через полтора года Петр приехал на побывку домой на недельку.

– Пап. Я жениться хочу.

– Хорошо сынок. Женись. Невеста то кто?

– Настя.

– Клавкина дочка что ли?

– Да. Пап. Как мне Настю засватать?

– Сынок. Тебе ж полгода осталось служить. Приедешь и засватаешь. Или, что боишься, что за полгода твоей службы ее разберут? Что-то я очереди из женихов у ее дома не видел. Ха. Ха. Ха.

– Пап. Ну что ты смеешься. Мать ее совсем из дому не выпускает. Даже повидаться с ней не могу.

– Так приедешь через полгода и женишься. Что. Уже совсем невтерпеж? Полгода подождать не можешь? Все равно вас сейчас не распишут, тебе скоро обратно ехать надо, да и мы тоже.

– Что?

– Ну собрать целую свадьбу, это же не шуточное дело.

– Ну а если я ее засватаю, а она пусть у вас пока поживет моя невеста. А как приеду, через полгода, тогда и распишемся и свадебку сыграем. А? Пап.

– Ой. Даже и не знаю. Клавка такой сложный человек. Не просто с ней будет договориться. Ну давай сынок, попробуем. Раз ты так настаиваешь. Завтра выходной, завтра и поедем. Поди в глаз то не дадут.

Собрали делегацию из мужчин. Нарядили тройку лошадей. Украсили ее цветами, лентами. Играла весело гармонь, подъехали к калитке Насти.

– Открывайте ворота. Тройка свадебная пришла. У нас жених, у вас невеста. Пусть будут счастливы жить вместе. Играла гармонь. Сваты в свадебных лентах, с хлебом солью. Клава вышла во двор.

– С чем пожаловали?

– Невесту вашу хотели посмотреть. Жених жену себе в дом выбирает. Вот ваша Настенька нам приглянулась. Настя открыла дверь, вышла на крыльцо.

– Зайди в дом. Носа своего не показывай. Выпучила глаза свои бесстыжие.

– А кто жених то будет?

– А вот и жених наш красавец, молодой красноармеец.

– Это Петька что ли будет? Шалопутный.

– Может переговорим, мамаша насчет свадебки то. Клавдия схватили вилы, махая ими над головой, выскочила во двор.

– Быстро все со двора, пока животы то вам всем не поспарывала. Нечего девке голову то забивать, морочить. Не твоего то поля ягодка. Поищи себе по проще невесту.

– А это мы еще посмотрим. Кричал Петр Клавдии в лицо. Что, не договоримся, мамаша?

– Какая я тебе мамаша?

– Не хочешь мать по-хорошему, силой девку увезу.

– Пошел вон жених хреновый. Пока я тебе кишки то на вилы не намотала.

– Попомнишь ты еще мои слова мамаша. Пожалеешь еще не раз.

Петр так разозлился за унижение, которое получил, решил на зло Клавдии овладеть Настей. Это уже была не любовь, это была месть. Глаза его налились кровью, верхняя гу-

ба начала дергаться, рот перекосило в ехидной улыбке. Его всего трясло от злости и ярости.

– Ну смотри мать, я хотел по-хорошему.

Петр поставил себе цель в жизни. За неделю, которую он здесь пребывает, во что бы то ни стало овладеть Настей. Это теперь стало его главной целью в жизни, делом чести, отомстить за свое унижение. Он стал следить за библиотекой, где она работает. Кто, когда уходит с работы. Он караулил Настю. Ждал, когда она останется одна, чтобы осуществить свое подлое намерение. И вот он этот момент настал. Все уже вышли из библиотеки, Настя еще не выходила. В окнах горел свет. Петр зашел в коридор, закрыл двери на ключ, а ключи спрятал в карман.

– Вот ты птичка и попалась. Довольно прошептал он себе под нос.

– Кто там? Извините. Мы уже закрываемся. Приходите завтра. Говорила Настя из другой комнаты.

– Настенька! Любовь моя. Милая. Как же я по тебе соскучился.

– Петр? Это ты? Зачем? Он начал ее обнимать и целовать.

– Подожди. Дайка я хоть погляжу на тебя. Какой ты стал.

– Какой?

– Совсем взрослый мужчина.

– Настенька. Я приходил к тебе свататься, хотел засватать тебя.

– Петенька. Ты же видишь, что моя мама против. Она ни-

когда не даст нам своего благословения.

– А может мы без ее благословения? А?

– Нет. Против воли матушки я не пойду.

– Ну почему? Настенька? Мы же любим друг друга. Что же нам теперь делать? Ты же меня любишь, я знаю. Или нет?

Настя смотрела в пол, кусала губы.

– Без матушкиного благословения никак нельзя. Нам счастья в жизни не будет.

– Ну не век же тебе с матушкой жить. Тебе и свою жизнь устраивать надо. Я увезу тебя с собой, а потом, когда мы распишемся, маменька твоя свыкнется с мыслью, что мы вместе, простит нас и благословит. Куда ей потом деваться. Он снова стал ее обнимать и целовать.

– Подожди. Подожди. Надо подумать. А где я там буду жить? Ты ведь еще служишь?

– А где живут все жены офицеров? С офицерами.

– Но ты то еще не офицер?

– Но я им буду, если ты только захочешь. Я все для тебя сделаю, родная моя Настенька. Ведь я люблю тебя.

– Давай уже ты отслужишь, приедешь, а осенью сыграем свадьбу.

– Нет. На это я пойти не могу.

– Почему?

– Пойми. Да разве я смогу еще полгода без тебя прожить.

– Но ты ведь как-то жил без меня все это время?

– Да. Это потому, что я тебя не видел. А сейчас, когда я

тебя увидел, чувствую, что все, не смогу больше ни дня без тебя прожить. Он снова стал ее обнимать и целовать.

– погоди. Петруша. Не спеши.

– Ну почему? Сейчас, когда никого нет, мы одни, нам никто не мешает, разве мы не можем просто поцеловаться?

– Но сюда могут войти. Нас увидят вместе. Расскажут матери, она же меня прибьет.

– Да? А это ты видела? Он показал ключи. Сюда уже никто не войдет.

– Ты запер двери? Но зачем?

– Чтобы просто обнять тебя и поцеловать. Мы больше нигде не можем встретиться. Ты ко мне на встречу не приходишь, на свидание, уже сколько лет я тебя жду все ночи на пролет. Никогда не мог тебя обнять и поцеловать. Он начал ее обнимать.

– погоди же ты.

– Ну что погоди. Я все понял, ты меня просто не любишь. Да? А я как дурак, все ждал тебя, мечтал, что ты будешь моей женой. У нас будет семья, детишки, похожие на тебя и на меня. Ну что? Нет так нет. Тогда я пошел. Я уйду с разбитым сердцем.

– Куда ты?

– Куда? Куда. Пойду напьюсь. А как приеду на службу, застрелюсь. Потому как нет мне больше без тебя жизни, Настенька. Лучше застрелюсь. Петр пошел к входной двери.

– Петя. Петенька. Ну подожди. Может потерпим еще пол-

годика? А?

– Ты сама подумай. Как человек может прожить полгода с разбитым сердцем? Прощай Настенька. Прощай любимая. Может еще когда-нибудь свидимся? Нет. Наверяд ли. Говорил он плачущим голосом, вытирая глаза кончиками пальцев.

– Петенька. Настя бросилась к Петру на грудь и начала рыдать. Он начал ее обнимать, целовать, повалил ее на пол и сделал с ней то, что планировал заранее, то что вынашивал все эти дни. Он был доволен, горд собой, он был отомщен за свое унижение, оскорбление.

– Петенька? А что же теперь будет дальше?

– А что? Теперь они от нас никуда не денутся. Все равно смирятся с нашей любовью.

– Петенька? А мне теперь что дальше делать?

– А тебе. Верно ждать своего мужа дома.

– У тебя?

– Зачем у меня, у себя. А я, как только приеду из армии, сразу же к тебе, подаем заявление и расписываемся. Никуда они теперь от нас не денутся.

Настю сразу с порога встретила мать и сразу сердито спросила.

– Ты что так долго? Давно уже должна была прийти.

– Да с бумагами задержалась.

– С какими бумагами? Днем нельзя было разобраться?

Шла по улице одна, темень то какая.

– Да что-то там напутано было, искала книги, сверяла. Глаза сильно болят, пойду прилягу, отдохну.

– А кушать?

– Я там чай попила, не хочу. Мать сразу почувствовала, что происходит что-то не ладное. Материнское сердце не обманешь.

– Ладно. Гляди у меня. Сказала она строго.

Настя не спала. Она все думала, весь разговор от начала до конца, с Петром.

– Как же ловко он все провернул. Какая же я дура. То уве-
зу тебя, поедем, а как получил свое, сразу успокоился. Жди
меня дома. Что же теперь дальше со мной будет? Как теперь
мне дальше жить? Ладно. Подожду его полгода. Все равно
он из армии вернется сюда, никуда не денется. Если не за-
хочет жениться, уеду на сессию, а обратно не приеду, буду в
городе жить.

И зачем я сюда только приехала, зачем поступила на за-
очное. Нужно было поступать на дневное. Дали бы общежи-
тие, подрабатывала, как все девчонки. Хоть бы крика мама-
ши теперь не слышала. Так она же сказала, чтобы на заоч-
ное, и чтобы здесь работала. Зачем я ей вообще сказала, что
есть заочное. А так бы она меня вообще никуда непустила.
А зачем я вообще сюда после училища приехала. Надо было
сразу поступать и работать в городе. Может быть там бы она
меня не достала. Так она же расплакалась, письма слезные
начала писать. Доченька моя, кровиночка, как же мамка без

тебя будет жить. Помру я скоро и похоронить меня некому будет. Жалко мать стало.

И кто же только придумал эту любовь, никому не нужную. Одни неприятности от нее. Как бы хорошо было жить без нее.

Прошло два месяца.

– Настя. Что-то ты дочка похудела. Не кушаешь ничего. Совсем замоталась ты на этой работе, еще и учеба. Настя приходила домой и ложилась спать, ей не здоровилось.

– Иди дочка рыбку поешь жареную. Ребята сегодня наловили, ну я у них купила свеженькую. Ты же любишь рыбку жареную.

– Не хочу мам, устала, глаза болят. Пойду отдыхать.

– Нет. Ты сначала поешь, потом пойдешь спать. Что-то ты бледненькая, сидишь там весь день в пыли, без свежего воздуха, да еще и глаза портишь от лампы этой настольной. Настя зашла в свою комнату.

– Я кому сказала. Быстро встала и поела, а потом ляжешь спать.

– Не хочу я эту рыбу.

– А что хочешь?

– Хочу картошку жареную и капусту квашеную. Или огурчиков малосольных, или селедку.

– Огурчиков малосольных говоришь? Мать строго посмотрела на дочь.

– Ешь рыбу я сказала. Настя съела кусочек рыбки, ее за-

тошноло. Она выбежала на улицу и ее вырвало.

– А ну ка пошли.

– Куда?

– В больничку. Лечить тебя будем. Сейчас мы узнаем, почему тебе огурчиков малосольных захотелось.

– Ну если что, я ж убью тебя гадину. Акушерка подтвердила.

– Да. Есть беременность 8-9 недель.

– Ну хорошо. Пошли дочка домой. Всю дорогу до дома Клава шипела от злости. Дома она взяла мужнин ремень, села на табуретку.

– Ну давай дочка рассказывай, как ты умудрилась мать опозорить. Как я теперь буду людям в глаза смотреть. Я тебя растила одна, без отца. Она начала кричать. Настя сидела, опустив голову. Слезы из глаз падали на ее грудь.

– Петька? Этот шалопут непутевый? Настя кивнула головой.

Клавдию затрясло от злости. Она начала ремнем бить Настю не разбирая, куда попадет. Настя закрыла лицо руками.

– Ах же ты паскуда бесстыжая. Я же так и знала, что ты спутаешься с ним, гадюка ты подколодная. Опозорила мать на старости лет. Настя встала с табуретки. Клава схватила ее за косу, намотала ее на руку и хлестала ремнем.

– Куда? Куда потаскуха. Я же тебя гадину тут же сейчас и порешу. Шалава ты подзаборная. Клава отпустила руку и схватилась за сердце. Настя воспользовалась случаем, выбе-

жала на улицу. Там она прошла вдоль забора, держась за колышки и упала на землю.

– Настенька? Ты что ли девонька лежишь? Милая. Вызвали врача. Соседка оставила Настю на ночь у себя. Утром она сходила к родителям Петра и все им рассказала.

– Клавдия то избилась Настю до полусмерти. Смотрю у моей калитки лежит бедная, без сознания. Акушерка в больничке сказала, что беременная Настя уже 8-9 недель.

– Мать. Да это же кажись Петька на побывку приезжал. Два месяца назад. Вот гаденыш то какой. Девка то причем. Зачем он так с Настенькой.

– А что Петька то в чем виноват? Девки то сейчас сами на парней вешаются.

– Нет. Мать. Когда Клавка то отказалась принимать сватов, вилы схватила, гнала со двора, обзывала его всяко, он еще тогда сказал, попомнишь ты меня еще. Это он тогда еще задумал недоброе, Клавки хотел отомстить. А Настенька то причем. Вот гаденыш. Ну приедет я ему всыплю еще.

– Ох всыплет он ему. Ребенка нужно воспитывать покуда он поперек лавки лежит, а как по вдоль лег, то уже все, на этом заканчивается воспитание.

– Ну что мать будем делать? Давай Настеньку покуда себе заберем. Прибьет Клавдия ее, точно прибьет. Опять же наше дитя, не чужое. А Петька приедет из армии, так пушай молодые там сами разбираются.

– Ну давай так поступим. Через неделю пришла соседка

и рассказала.

– Клавку то парализовало, всю правую сторону. Лежит, даже говорить не может.

– Пойду я, спасибо вам за все. Настя плакала. За мамой ухаживать надо.

– Ну иди па куда девонька, иди дочка.

– Во мать. Видала. Дела то какие, парализовало. А лет то ей сколько будет?

– А нам то сколько? Да и ей наверно, столько же, наверно за 40.

Настя зашла в дом. Подошла к кровати матери.

– Мама. Настя закрыла рот руками чтобы не закричать. Все ее лицо перекосило. Она лежала со злобными глазами. Грозил ей пальцем левой руки. Потом Клавдия сжала пальцы в кулак и махала им в воздухе. Потом и левую сторону парализовало. Вскоре она умерла.

Настя уже родила девочку. А Петр так и не вернулся домой. Поговаривали люди, что нашел он там в городе себе богатую тетеньку. Приехал он только когда Лизоньке исполнилось 3 годика. Но Настя его даже на порог не пустила. Велела оставить их с дочкой в покое. Никогда сюда больше не приходите.

– Забудь сюда дорогу.

Лизонька

Лизонька росла очень подвижным ребенком. Она очень шустро ползала по комнате, смеялась, рано встала на ножки. Когда подросла все время прыгала, скакала, кружилась, танцевала и пела. Настя просто души в дочке не чаяла. Она очень любила ее, баловала, позволяла ей баловаться, кувыряться. Она только умилялась, смеялась, любовалась и радовалась, что она такая шустрая и здоровенькая.

– Мама, пойдем. Пойдем. Она брала Настю за руку, тянула ее, всегда что-то ей показывала. Цветочек новый расцвел, то пчелку, то стрекозу.

– Ой. Мама. Мама. Показывала она пальчиком, радовалась и восторгалась.

Деньги, которые Настя нашла в доме после смерти матери, заканчивались. Видимо мать копила на свадьбу дочки и на ее приданное. Настя пошла работать на химический комбинат. Там платили больше, чем она зарабатывала в библиотеке, садик ей сразу дали на заводе. Она отказывалась от помощи родителей Петра.

В садике Лизе очень нравилось. Она приходила очень возбужденная. Рассказывала стихи, которые сегодня разучивали. Пела песни, которые пели в садике. Показывала, как они сегодня танцевали. На ночь Лиза рассказывала маме сказки, которые сегодня читала воспитательница. В 5 лет она вставала

ла на мостик, опираясь ручками о стенку, садилась на шпагат.

—Мама. Мама. Смотри как я умею. Она уже знала на память и читала с выражением все басни Крылова. Она знала много сказок, стихов, песен. Постоянно, что-то рассказывала или пела маме. Кружилась, танцевала или просто прыгала. В садике она приставала к детям.

—Вот ты кем хочешь стать, когда вырастешь? Не знаешь? А я, когда вырасту, буду артисткой, как в телевизоре. Демонстрировала свои таланты перед детьми, своим сверстникам.

—Артистка ты моя маленькая, называла любовно ее Настя. Она растила ей роскошные волосы. Смазывала их перед мытьем кислым молоком, желтком и медом. Никогда ее не подстригала и говорила ей.

—Доченька. Волосы для девочек это красота, богатство. Никогда не стриги их. Береги и ухаживай за ними всегда. Настя только кончики ей немного подстригала, ровняла. Заплетала ей косички и приговаривала.

—Расти коса до пят, женихи торопят. А Лиза смеялась.

—Мама. А женихи, это что?

—Женихи, это не что, это кто. Вот вырастишь, узнаешь, кто такие женихи.

Когда Лиза пошла в первый класс, она уже хорошо читала, писала, считала. Таким подарком судьбы Настя не могла нарадоваться. В первом классе Лиза записалась на все кружки, где ее только брали. Она рисовала, пела в хоре, участвовала

в детских спектаклях. Приходила со школы поздно вечером.

Лиза собирала ребяташек во дворе, раздавала всем роли. Разучивала с ними сказки, басни, песни, танцы, сценки. В углу сада простыней завешивали, делали сцену. Звали взрослых и показывали им концерты, представления. Когда Лиза закончила 5 класс, Настя подарила ей на день рождения гитару. Она до крови на пальцах разучивала мелодии, пела песни. Но особенно она любила романсы, которые были на пластинке дома.

Лиза прослушивала в школе младшие классы, искала среди детей таланты. Потом в клубе в выходные или в праздники, они ставили спектакли, пели песни, танцевали. Заведующая клубом говорила Лизе.

– Когда закончишь школу, будешь вместо меня работать в клубе. Лиза смеялась.

– Нет, в клубе заведующей это не интересно.

– Ну почему? Ты же такая затейница, тебе же нравится.

– Я буду артисткой. Я буду выступать на большой сцене. Я буду сниматься в кино. Все смеялись над ее самоуверенностью.

– Мама. Как я хочу быстрее вырасти, поехать в Москву.

– Не торопи время дочка, оно и так очень быстро летит. Успеешь ты еще стать взрослой. Это от тебя никуда не уйдет. А вот детство уже никогда не вернешь. Лучше оставайся как можно дольше девочкой, счастливой, беззаботной, веселой, жизнерадостной. Не успеешь оглянуться, а детство то ушло

и его уже не вернуть. Где оно? Нет. Только в памяти твоей останутся белые банты и косички, босые ножки по лужам, бабочки и стрекозы, улетающие в даль.

– Мама. Почему ты так грустно говоришь о детстве?

– Вот когда оно от тебя уйдет, тогда ты меня поймешь. Мы всегда вспоминаем с грустью то что теряем, то что никогда к нам не вернется, то что мы иногда видим во снах. Что имеем – не храним, потеряем – плачем. Вот так, дочка. Но жизнь продолжается. Всегда нужно идти только вперед.

– Давай мама я тебе лучше спою веселую песню, которую я только что сочинила.

–Спой дочка свою веселую песню.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

– И все? Это вся твоя песня? Смеялась Настя.

– Это только начало. Я потом по позже дальше сочиню. Я просто хотела развеселить тебя.

– Тебе это удалось. Они обняли друг друга и весело смеялись.

– И я люблю тебя, Лизонька. Очень. Очень.

– И я тебя, мамочка. Очень при очень.

Лиза закончила школу. Сдала все экзамены, собиралась в Москву поступать во ВГИК.

– Артистка ты моя. Как же я буду без тебя жить. Вытирала слезы Настя.

–Мама. Ну хочешь, я некуда не поеду? Буду работать в

библиотеке или в клубе.

– Ну что ты дочка. Зачем ты так говоришь. Это же мечта всей твоей жизни. Нельзя предавать мечту. Потом будешь жалеть об этом всю свою жизнь, что не использовала свои возможности. Ты не смотри на меня дочка, не обращай на меня внимания. Вот когда у тебя будут свои дети, ты меня поймешь, как это не просто и страшно отпускать свое родное дитя от себя. Да еще так далеко в такой большой город. Как ты там будешь жить одна в огромном городе?

–Мамочка. Я же там буду жить не одна. Там будет жить много людей. Поступлю. Дадут общежитие, у меня будет много друзей. Как только будет возможность, буду приезжать к тебе, моя дорогая мамочка. А потом может и тебя к себе заберу. Я тебя тут одну не оставлю.

–Лизонька. Прошу тебя. Никогда не обрезай свои прекрасные волосы. А то приедешь, там все девки остриженные как овечки и тебе захочется.

–Хорошо мамочка. Никогда не буду стричь. Ты же мне их столько лет растила.

– Поторопись дочка. А то на автобус опоздаешь. Тогда следующий будет только вечером. Я тебе в сумку положила пирожки в дорогу с повидлом, как ты любишь. И еще положила в сумку деньги, ты уж прости, сколько смогла скопила. На первое время хватит. Иди уже дочка, гитару не забудь.

– А ты, что не пойдешь меня до остановки провожать?

– Нет, здесь простимся. Не хочу тебе дорогу слезами за-

ливать. Я уж здесь тихонько посижу, поплачу.

– Мамочка. Ну не надо плакать. Я люблю тебя. Все будет хорошо.

– Я тоже люблю тебя дочка. Иди с Богом. Ой, гитару забыла. Удачи тебе. Ну иди дочка. Помоги тебе Господи.

Лиза опоздала на автобус на какую-то минуту. Она увидела, как он отъезжал от остановки и скрылся за поворотом.

– Какая досада. Торопила же меня мама. Обратной дорогой не пойду. Возвращаться плохая примета. Мама снова расстроится, провожая меня. Может попутка в город будет. Иногда люди останавливались и подвозили в город по пути недорого.

Антон Павлович

В трехэтажном загородном особняке, на роскошном диване лежал мужчина, лет тридцати, в дорогом бархатном халате, расшитым шелком. Открылась дверь. Вошел полный мужчина с разносом в руках. Он поставил поднос на небольшой прикроватный столик.

– Ваша овсянка, сэр. Мужчина улыбнулся. Как доктор прописал.

– Что опять овсянка? Каждый день овсянка. Надоело.

– Почему каждый день? Вчера была перловка.

– Хоть бы яйцо вареное принес. Хочу простое куриное яйцо.

– Нельзя вам яйцо, там холестерин. Это вредно для вашей печени.

– При моем росте, 1 метр 90 сантиметров я должен весить 90 килограмм, как минимум. А я что, всего 70. С вашей диетой скоро ноги протяну. Сам то пади с утра уже ветчинки поел здоровый кусок. Да?

– Мне можно. Если я умру, никто этого даже не заметит, а если вы умрете, ваш папенька с нас голову снесет.

– Хочу селедки с картошкой жареной и пиво холодненького. А? Сгоняй лучше за пивом Паша. А?

– Не капризничайте Антон Павлович, кушайте лучше овсянку. Вкусная.

– Да? А ты пробовал? Пристрелить бы надо этого повара.

– Повар тут не причем. Он выполняет рекомендации вашего лечащего врача.

– А это что? Опять какие-то таблетки?

– Эти таблетки для вашей поджелудочной. А эти для вашей драгоценной печени. Не капризничайте, кушайте. Сок апельсиновый для аппетита.

– Зачем мне для аппетита, болван. У меня аппетит есть и очень хороший. Кричал Антон. У меня еды нормальной нет.

– Посидите немного на диете, по принимайте лекарство, подлечите свои надорванные алкоголем органы, а потом сможете кушать что-то другое.

– Что-то другое? Это вместо овсянки перловку? Да? Слушай. Почему ты вешишь 120 килограмм.

– Нет, 110.

– Ты ешь все, что захочешь и у тебя ничего не болит? Почему у меня от куда-то берутся болезни? А? Может ты мне объяснишь? А? Кричал Антон.

– Потому что я добрый, не злюсь, не кричу, не нервничаю по пустякам. А вы злитесь, нервничаете, а все болезни от нервов. У вас в организме все быстро сгорает. У вас метаболизм другой.

– А у меня все сгорает? Ваша овсянка долбаная сгорает? А эти как их ваши таблетки? Кричал Антон.

– Не капризничайте, Антон Павлович. Кушайте овсянку.

– Перестрелять вас всех, купить домик в деревне, завести

коровку. Выращивать на своем огороде картошку, клубнику.
– Вам нельзя, Антон Павлович, в деревню.

– Это еще почему нельзя? А? Почему это мне нельзя, болван?

– В деревне нужно много работать. Опять же коровке сено косить, а то она голодная не то что молоко, она извините и навоза вам никакого не даст.

– А зачем мне навоз, болван? Ты что надо мной издеваешься? Он стучал ребром руки по столику. Мне нужно молоко и картошка.

– Опять же чтобы там огородик, картошку, нужно землю копать. А вы, извините, с большой печенью и поджелудочной много не накосите и не накопаете.

– Пошел вон, болван, развелось тут умников. Куда не плюнешь – в умника попадешь.

– Кушайте овсянку, сэр. Вкусная. Мужчина улыбнулся и вышел из комнаты.

– Паша! Паша! Кричал Антон.

– Звали, Антон Павлович?

– Паша. А я девочку хочу.

– Собачку что ли?

– Болван. Какую собачку? Живую девочку. Настоящую.

– Усыновить что ли хотите?

– Болван. Ну что ты не догоняешь? Что ли? Мои мысли, мечты. Не можешь проникнуться?

– Да как я могу проникнуться в ваши мысли. У вас там с утра мечты, то жареная картошка, с селедкой, то пиво, то...

– Сон мне сегодня приснился, знаешь какой?

– Какой?

– О! Девушка. С длинными, русыми волосами, ниже пояса. Светлое прозрачное платье. Да самой земли. Она идет по цветущему полю. Цветов много вокруг. Разные. Маки красные, белые ромашки, синие васильки, колокольчики. Она идет. Руки опущены. Она трогает цветы руками. А на голове венок из полевых цветов. Потом она села на траву. Начала плести второй венок из цветов. Она улыбается и так смотрит на меня. Когда сплела. Надела мне венок на голову, а он такой душистый. Паша. Как ты думаешь, что этот сон означает?

– Ну что-то маловато венков.

– Почему это, маловато?

– Только два. Обычно много венков кладут на бугорок.

– Какой бугорок. Паша?

– Свежей земли.

– Какой свежей земли? Я же тебе говорю. Шла по полю.

Это платье у нее было до земли. Болван.

– Ну тогда. Если два венка, круглые. Это значит два кольца. Наверно. Это к свадьбе.

– К какой свадьбе? Болван. Вот возьмет и враз все испортит. Пошел вон. Болван. Паша вышел за дверь.

– Что там лютый опять лютует? Что он там опять приду-

мал?

– Говорит. Девочку хочу.

– Телку. Что ли? Так мы ему враз доставим. Сколько ему надо 5 или 10. Пусть выбирает. Смеялся Костя. Антон вышел из комнаты.

– Мне этих ваших телок, не первой свежести, потрепанных даром не надо. Мне нужна одна. Милая. Из моего сна. Первоцвет.

– Ах. Во как. Первоцвет.

– Да. Такую юную, чистую, целомудренную.

– Да где ж ее взять то целомудренную? Это вам Антон Павлович в детский сад надо. Старшей группы. Там наверняка есть. Хотя? Смеялся Федор.

– Болваны. Пошли все вон. Пока я вас всех не перестрелял. Дармоеды. Кричал Антон Павлович.

Утро следующего дня. Антон лежит на роскошном диване, в дорогом халате. Открывается дверь. Заходит мужчина с разносом.

– Ваша перловка сэр. Мужчина улыбается. Любимая.

– Какая перловка? Опять эта перловка. Каждый день перловка. Надоела.

– Нет. Вчера была овсянка. Сэр.

– Дай поспать. Убирайся со своей перловкой.

– Извините. Антон Павлович. Но скоро уже обед будет.

Хватит спать.

– Тебя не спросил. Я сегодня может всю ночь не спал. Все

думал о вчерашнем сне. Все думал и ждал. Может она мне снова присниться.

– Кто. Извините.

– Девушка. Которая с венком на голове. А что на обед?

– Запеканка творожная с макаронами.

– Слушай. Паша. Сходи на кухню, скажи повару. Пусть мне пожарит стейк из говядины с хрустящей корочкой и картошкой фри. Или я его пристрелю.

– Это если только во сне.

– Что? Пристрелить?

– Нет. Стейк с фри.

– Ой. Какие болваны. Всех разгоню, пристрелю. Новых наберу.

– Таких же болванов?

– Пошел вон, умник.

– Что опять лютует? Что ему на этот раз надо?

– Стейк с картофелем фри.

– Ну пусть пожарят, если он так хочет. Лишь бы он только не орал.

– Пусть он лучше так орет, а то если приступ начнется, половину людей перестреляет. Прошлый приступ был. Знаешь, как он орал, посуду всю перебил. В потолок стрелял. Штукатурку еле собрали, помыли.

– Паша! Паша! Кричал Антон.

– Да Антон Павлович, вы звали?

– Паша. Как ты думаешь. Вот эта девушка приснилась.

Это любовь проснулась в моем молодом, здоровом организме или это хромосомы так бушуют весенние.

– Думаю это не то и не другое.

– А что тогда Паша?

– Вы хотели сказать гормоны. В вашем не здоровом организме. К тому же уже начало лета. Вот видите, а вы не хотели овсянку с перловкой кушать. А теперь вы сами видите, как они благотворно влияют на ваш молодой организм. Пища Богов и королей.

– А что. Им королям там больше есть нечего было? Ну да конечно. Золото же не пожуешь. Оно в зубах застрянет. Ха. Ха. Ха.

– Просто короли хотели жить долго, поэтому выбирали здоровую пищу.

– Позови-ка ты мне Юру.

– Юра, у тебя машина нормально едет.

– Какая?

– Любая. Может мы сегодня покатаемся.

– Куда?

– Да хоть куда. Просто поедем, покатаемся. По полям, по лесам, по улочкам деревенским, как в прошлый раз. А?

– Фу. Какая сегодня жара. Антон Павлович. Может уже домой поедем. Два часа уже катаемся. Никого не встретили. Все дома в саду сидят.

– Ты вот в этот лесочек заезжай. Там прохладно. Постоим. Может девки по грибки, по ягодки бегают по лесочкам.

– Нет тут никаких девок. Утром все ходят по грибочкам, по ягодкам.

– Ладно. Сверни сюда в поселок, по улочкам поедем, вдоль прохладных аллей, потом домой поедем. Ну-ка. Вон там притормози на остановке. Видишь девушка с гитарой сидит. Спроси куда и посади в машину.

– Девушка с гитарой! Восхищенно произнес Юра. Артистка наверно?

– Да, буду артисткой. А вы как узнали?

– Ну как же. Если с гитарой, значит артистка. И куда такая красивая девушка путь держит?

– В Москву. Опоздала на автобус, теперь до вечера следующий ждать надо.

– Зачем же так долго ждать. Мы как раз едем в Москву. Место свободное есть. Пока вы дождетесь своего автобуса, мы уже в Москве будем. Садитесь подвезем.

– Ой как хорошо. Да неудобно как-то.

– Садитесь. Садитесь. Не стесняйтесь. Автобус еще не скоро приедет. Пока будете ждать автобус, мы уже в Москве будем.

– И как зовут нашу прекрасную спутницу?

– Лиза.

– О! Елизавета. Какое прекрасное царское имя.

– Почему царское?

– Так зовут Английскую королеву.

– Елизавета? Ах да. Как жарко сегодня.

– Минералки холодненькой не желаете? Я вам сейчас налью. Саша налил воды в пластиковый стаканчик и подал девушке.

Антон посмотрел в верхнее зеркало салона. Девушка наклонила голову на грудь Саши.

– А почему она спит? Болван. Ты чем ее напоил.

– Да я же так немного. Чтобы не кричала, не кусалась, не царапалась, как в прошлый раз. Для вашего удобства хотел.

– Ух. Наркоманы, вашу маму. Съезжай с дороги. Изобретатели. Заезжай в лесок, в теник и пошли все из машины. Не подслушивать и не подглядывать.

– А что там подглядывать. Окна все равно тонированные. Под глянешь тут.

– По пререкайся еще у меня. Вон на той полянке нарвите цветов и побольше.

– Антон Павлович. Цветы.

– Все пошли вон. Болваны. Рассредоточились и смотреть по сторонам, чтоб ни одна мышь не проскочила. Все, я занят.

Антон пересел к девушке на заднее сидение и заблокировал все двери. Разложил сидения. Снял с себя всю одежду, вытер пот со своего тела. Под голову Лизе положил небольшую подушечку. Сам сел на краю у окошка. Положил ее ноги на свои и начал медленно снимать с девушки трусики и юбочку. Поднял до шеи футболку.

– О Боже! Боже! Как ты хороша. Можно ослепнуть от такой красоты. Какая у тебя белая, тонкая, прозрачная кожа.

Кое где видны тонкие ниточки вен. Антон развязал длинный хвостик русых волос и разложил их вдоль ее тела. Разложил прохладные, ароматные цветы на голову, плечи и волосы.

– Да ты же русалочка. Русалочка моя. Это ты Лизонька снилась мне вчера. Я тебя узнал сразу. Милая. Он гладил ее плечи под фиалками. Он вдыхал аромат цветов на ее теле. Антон начал тихонько, пальчиком, гладить маленькие, упругие груди, ее нежное прохладное тело.

– О Боже! Как же ты хороша. Не дай Господи мне ослепнуть от такой красоты. Ты же совсем еще дитя. Как же я могу, старый хрыч опорочить, осквернить такую Божественную красоту. Как же я могу своими грязными руками, своей колючей щекой, касаться этого Божественного создания.

– Господи! Почему? Для чего? Для кого? Ты создаешь такие творения. На которые даже смотреть грешно. Господи! Почему! Зачем? Ты создал мужчин, такими подлыми, грубыми животными. Зачем ты дал мужчинам безрассудную похоть. Антон смотрел на девушку и не смел к ней даже прикоснуться своими огромными, грубыми руками.

– На это создание можно только любоваться. Антон смотрел на девушку и плакал. И его слезы катились по небритой щеке, падали на прекрасные русые волосы, на душистые цветы. Он раздвинул ее нежные с шелковой кожей ноги, положил их на свои колючие ноги.

– Не бойся дитя я не посмею, я не причиню тебе боли, я не вонжу свой острый кинжал в твое детское тело. Антон

смотрел и плакал. Я сдержусь. Он пальчиком проводил по ее гладким, белым бедрам. Я только чуть-чуть прикоснусь своим кинжалом, чтобы не поранить твое Божественное тело. Он сел на колени, придвинулся к ней ближе, руками уперся выше ее плеч. Он нежно водил упругой плотью, по краю ее лона. И тут. Извержение вулкана, сотрясло его тело.

– А! А! А! Закричал Антон как раненый зверь.

– Черт! Черт! Черт! Что я натворил? Не успел. Не удержал. Огромный фонтан прозрачной жидкости, наполнил узкую розовую щель.

– Прости! Прости! Милая дитя. Так получилось. Я не хотел. Может все обойдется.

Солнышко садилось. Девушка сидела в машине, наклонив голову на грудь Саши. Сумерки. Машина небольшими улочками приближала Лизу к ее мечте. Машина заехала в тенистый сквер, освещенный яркими фонарями. Девушку на руках вынесли из машины, посадили на скамейку, рядом с гостиницей.

– Дай девушке деньги. Положи в сумку. Да не эти жалкие гроши. Разве на них сейчас проживешь в Москве. Антон выхватил пачку денег у Юры. Конверт положил во внутренний карман сумки девушки. Рядом положили гитару. Плеснули в лицо Лизы прохладной воды.

– Лизонька! Просыпаемся. Мы уже приехали.

– Мы уже в Москве?

– Да. Уже давно. Слева от вас гостиница. Квартал вниз

институт.

– Я что, уснула? Ничего не помню. Так хотела все посмотреть.

– У вас еще будет много времени насладиться обзором нашей столицы.

– Спасибо вам большое. Улыбалась Лиза.

Лиза пошла в ближайшую гостиницу, сняла номер. Открыла сумку перекусила пирожками с повидлом. Увидела деньги в конверте.

– Вот это да. Бедная моя мамочка, сколько денег положила. Наверно много лет копила, во всем себе отказывала. Для меня. Но зачем же столько много? Хоть бы себе оставила. Наверно все деньги из дома отдала, а может еще и заняла. Как же она будет жить без денег? Пойду завтра на почту и отправлю ей деньги. Лиза взяла немного денег и пошла по магазинам.

Она покупала себе и маме одежду. А на следующий день, отправила маме посылку с вещами и денежный перевод. Забежала в институт, все разузнала. Следующий поток на прослушивание будет через 3 дня.

– Как хорошо, можно спокойно подготовиться, подобрать одежду. Лиза до самого вечера ходила по холлам и залам института. Знакомилась с парнями и девушками. Кто-то уже плакал от счастья, что поступил. Кто-то плакал от неудачи. Что придется обратно ехать домой ни с чем.

Институт

Вот он наконец и наступил ее долгожданный день. Самый главный день в ее жизни, к которому она готовилась всю свою маленькую жизнь, еще с детского сада. Лиза еще с вечера приготовила все, в чем она будет поражать строгую комиссию. Черную, ажурную, обтягивающую, трикотажную кофточку. Черные обтягивающие, тонкие колготки, легкую капроновую юбочку.

На голову Лиза повязала длинный капроновый шарфик. Сверху надела светло-серый халатик-платье, чтобы по дороге не шокировать прохожих. Черные легкие тапочки-балетки, сделала легкий макияж, как ее учили новые знакомые подружки. Во все оружие выдохнула с легких воздух.

– Ну с Богом. Лизонька. Сказала она себе и вышла из номера.

К входу в аудиторию столпилось много девушек и парней. Было шумно. Кто-то зубрил, бормотал себе под нос стихи или басни, кто-то распевал свой голос, кто-то трясся от страха, говорил, что с головы все вылетело, ничего не помнит.

Лиза стояла у стенки, обняв свою гитару и с любопытством наблюдала за молодыми людьми. Снаружи она была как бы спокойна, но внутри вся тряслась от страха. Она думала, если она не поступит, как она приедет домой, мама будет сильно переживать и плакать. А ей будет так стыдно

смотреть в ее глаза.

Мама растила ее одна. Так и не вышла ни за кого замуж, хотя на комбинате мужчины делали ей предложение, потому что она такая красивая, добрая, молодая. Мама ее все время называла: моя артистка. Она была уверена, что ее Лизонька не простой ребенок. Она талантливая, ее ждет большая сцена.

Настя посвятила ей все свои молодые годы и сейчас приехать, сказать ей, что она просто бездарная дура, никому не нужная, никчемная. Конечно же мама ее и такой будет любить, потому что она ее дочка, потому что она ее мама. Но было так горько и стыдно не оправдать ее надежды.

– Лиза Цветова! Прозвучало, как гром среди ясного неба. Лиза робко вошла в огромный зал. У стены стоял длинный стол, за ним сидело несколько человек. Кто-то, опустив на нос очки, внимательно разглядывал девушку. Две женщины тихонько разговаривали между собой. Затем начали тоже внимательно смотреть на Лизу. И вот уже все взгляды устремились на нее. Было так стыдно и неловко, что хотелось спрятаться куда-нибудь, или накрыться большой гитарой, чтобы не видеть эти пронзительные взгляды.

Но тут Лиза вспомнила, как она выступала со сверстниками во дворе, на самодельной сцене, как пела в клубе романсы. Там было еще больше людей, там совсем не было страшно.

– Подойдите к нам поближе. Лиза на дрожащих в колен-

ках ногах, прошлась, как ей показалось легкой и свободной походкой. Положила гитару на стул.

– Девушка с гитарой. Все начали иронично улыбаться.

– Что вы нам расскажите? Лиза рассказала не заезженную басню, которую обычно все читали, стрекоза и муравей. Она читала малоизвестную всем басню. Затем начала читать стихи военной тематики. Слезы катились из ее глаз. Она из стиха перенесла весь свой страх, судорожно вздрагивала, падала на колени, полными глазами от слез смотрела на строгую комиссию нежной улыбкой.

–Очень хорошо. Произнесла женщина, с опущенными на нос очками. Все начали тихонько обсуждать между собой ее выступление.

– Лизонька. Вы принесли с собой гитару. Может быть вы нам что-то споете или сыграете?

– Да. Спою. Романс. Она села на стул, взяла гитару и начала петь цыганский романс легким акцентом. В конце песни она так высоко взяла ноты, долго держала голос.

Потом она затихла. Смотрела на комиссию, начала весело смеяться. Лиза так разошлась, что положила гитару на стул, распахнула и сняла быстро халатик одним движением. Продолжая петь песню, Лиза выполняла акробатические этюды. Капроновая лента вместе с ее роскошными волосами развивались как шлейф, а капроновая легкая юбочка оголяла ее накаченные бедра и стройные ноги. В конце она села на шпагат, склонив голову к полу.

Было так тихо. Лиза подняла голову и посмотрела на комиссию. Шквал аплодисментов разлился по залу.

– Bravo! Послышался мужской голос.

– Лизонька. Вы свободны. Подождите решение комиссии за дверь. Парень стоящий у двери, прислонил ухо, слушал и передавал услышанное всем.

– Боже. Откуда такой самородок?

– Да. Плохо мы еще работаем с глубинкой.

– Она уже готовенькая актриса. Хоть завтра на сцену.

– Оксана Юрьевна. Вы не против, если я возьму ее на пробы в эпизоды.

– Да за ради Бога.

– Товарищи. Этому самородку нужна хорошая огранка, чтобы он стал бриллиантом. Ну что, единогласно?

– Да. Конечно же. Да. Еще и в аттестате у нее одни пятерки.

– Лизонька. Вы где-то учились, что-то заканчивали?

– Нет. Только в школе занималась в кружках.

– Лизонька. Мы вас поздравляем. Вы приняты на первый курс института. Вам как иногородней будет предоставлено общежитие, с выплатой стипендии.

– Лизонька. Меня зовут Аркадий Владимирович, после окончания приема, дождитесь меня пожалуйста в коридоре. Мне нужно с вами переговорить, это не займет много времени.

Лиза вышла в коридор, подошла к окну, положила локти

на подоконник, схватилась обеими руками за голову и рыдала во весь голос. У нее началась истерика. Все подходили к ней, утешали.

– Ну ничего страшного, поступишь на следующий год, что же так расстраиваться.

– Да я поступила! Поступила. Говорила она всем громко, улыбаясь от счастья.

– Так что же ты тогда реवेशь, вот дуреха. Радоваться надо.

– А я и радуюсь. Радуюсь.

– Счастливая ты Лиза, поступила.

– Конечно. Она такая красивая, красивым проще.

– А я как зашла, девчонки, сразу все забыла, они так все смотрят на меня, я испугалась и сразу все забыла.

На следующий день Лиза отбила маме телеграмму. Мамочка, меня приняли в институт со стипендией, дадут общежитие. Спасибо тебе за все. Я люблю тебя. Настя принесла телеграмму на комбинат.

– Дочка моя Лизонька, артисткой будет. Поступила в институт. Плакала Настя.

– Ну и что же ты плачешь, радоваться надо.

– А я и радуюсь. Радуюсь.

– Счастливая Настька. А мои оболтусы ни учиться, ни работать не хотят. Одна дурь в голове, танцы да девки.

Лиза могла бы уехать домой до занятий, как многие девушки. Она так хотела увидеть маму. Но Аркадий Владимирович снимал новый, военный фильм. Он предложил Лизе

сделать несколько дублей в эпизодах.

– Так, Лизу переодеть, загримировать, да и волосы. Очень длинные. Обрезать до плеч.

– Нет. Закричала Лиза. Волосы не дам обрезать. Мне мама их всю жизнь растила.

– Видите ли. Лизонька. По сценарию, вашу героиню, будут тащить за волосы по снегу. А это, что же целый метр волос куда-то девать надо будет.

– Девай те куда хотите. Волосы не дам обрезать. Тогда я сниматься вообще не буду.

– Хорошо. Хорошо. Я переговорю с режиссером, мы может быть что-нибудь придумаем.

– Нет. Ну ты посмотри на эту звездную Светову. Не успела в институт поступить уже условия режиссеру ставит.

– Во-первых не Светову, а Цветову. Во-вторых, ты сама себе попробуй сначала отрастить такие волосы. Такие волосы, всю жизнь растить надо.

– Сейчас никто не хочет их растить. Зачем они нужны такие длинные, мороки с ними, путаются, мешаются, куда проще со стрижкой. Шампуня меньше надо.

– Ничего ты не понимаешь. Красота. Опять же индивидуальность.

– Лиза! Где Лиза? Лиза. Режиссер согласен, сказал даже еще лучше. Немец тоже согласен. Будем снимать, по ходу посмотрим, что получится.

– Пробный дубль. В студии поставили декорации. Налили

пены.

– Тишина в студии. Немец схватил Лизу за косу, намотал ее на руку и потащил раздетую по снегу, по поселку.

– Партизан! Партизан! Кричал он. Потом ее за косу привязали к телеге, запряженную кобылой. На груди у нее была привязана табличка. Крупными буквами было написано. Партизан. Потом. Стояла виселица. Женщина и двое мужчин стояло на табуретках с завязанными глазами. На груди табличка. Палкой били по табуреткам. Мужчины по очереди кричали. Они думали, что у кого-то уже вышибли табуретку из-под ног и скоро их очередь.

При каждом стуке Лиза истошно кричала. От ужаса ее лицо искажалось, широко раскрывался рот.

– Наводите на Лизу камеру. Пошел крупный план. Хорошо.

Вечером приходят партизаны. Снимают всех с петель, стул падает, она теряет сознание от ужаса, что следующая она. Партизаны подхватывают ее, вытаскивают из петли.

– Через пару дней повторные дубли. Готовим декорации к следующей съемки.

Лиза думала. Если в эпизодах так трудно сниматься, а как же тогда в главной роли. Там еще и слова учить надо.

– Да. Не легкая это работа быть артисткой. Лиза положила деньги в банк под проценты, жила на стипендию. Еще и каждый месяц, понемногу отправляла маме деньги домой. Она копила деньги, мечтала купить небольшую квартиру или хо-

тя бы комнату и перевести маму в город к себе.

Она по ней сильно скучала. Переживала как она там одна. Каждый день вечером писала ей письмо. Как она провела день, что нового в институте, а утром бросала его в почтовый ящик. А в конце каждого письма она писала: Дорогая, родная, милая моя мама. Я люблю тебя.

В институте начались занятия. Лизе очень нравилось.

– Вы стоите на остановке, ждете автобус. Покажите мне это.

– Слушайте звуки на улице. Развивайте внимание. Через минуту расскажите мне, кто, что слышал. Каждый вспоминает, что слышал.

Лиза продолжила, вернее, начала заниматься вокалом, игрой на гитаре, хореографией.

– Вы думаете, что если поступили в институт, так вы уже все тут уже артисты? Я могу хоть завтра любого из вас сделать артистом, звездой экрана. Мне это не сложно. Стоять, ходить, говорить, вздыхать, все что скажет режиссер, глаза крупным планом. Но чтобы стать настоящим артистом, вы должны не играть, вы должны так входить в роль, жить жизнью вашего героя. Чтобы не было видно игры, была видна жизнь, чтобы зритель поверил вам.

В общежитии девочки покупали пирожки, пирожные, конфеты, печенья. Вечером пили чай. Лиза приносила каждый день маринованные огурцы и весь вечер ела их читая книгу.

– Ой девочки. За углом такой хороший овощной магазин, там такие вкусные, хрустящие, маринованные огурчики. Я еще купила. Кто хочет?

– Да кислятина, есть невозможно.

– Ты что такая кислятина. Я только их и ем целыми днями.

– Лиза. Ты что, беременная?

– Почему беременная? Просто очень вкусные, хрустящие.

– Это только беременные едят соленые огурцы.

– Я же не соленые огурцы ем, а маринованные.

– Все равно. Значит ты беременная.

– Это что, шутка такая. Юмор. Да? Ты что? Беременная.

Да ты знаешь, что я еще девица. Я еще даже не с кем не целовалась.

– Что правда? Да? Тебе что еще никто не нравился?

– Ну в школе там один немного нравился, но он такой, нарцисс, задавака. Все девчонки за ним бегали. Зачем он мне такой нужен.

– А во дворе? Неужели никто не нравился?

– А там во дворе все мальчишки такие глупые. Даже не в кого влюбиться. Да и некогда мне было даже смотреть по сторонам, не то чтобы в кого-то влюбляться. В школе кружки разные, потом дома уроки, да и маме нужно было помочь по хозяйству, кушать приготовить, постирать, дома прибраться. Я еще дома сама занималась по самоучителю игры на гитаре, дома разминка, гимнастика.

– Что, правда, еще ни с кем не целовалась?

– Да нет же. Даже за руку никого не держала.

– Да. Чуть не забыла сказать. Заходил Аркадий Владимирович, сказал, чтобы ты завтра зашла на студию. Запись вроде там будет.

– Ой, Лиза уже в кино снимается, счастливая.

– А знаете, как трудно.

– В эпизодах то трудно?

– Да. Даже в эпизодах.

– Лиза Цветова. Тебя и не узнать. Ты что это такие щеки наела, как у хомяка. Надо же следить за своей фигурой. Быстро садись на строгую диету, а то другую артистку найду на съемку. Придешь через неделю.

Лиза перестала есть огурцы, ела только сухари и пила воду.

– Ну вот, совсем другое дело. Ты же партизанку играешь, а не доярку.

– Да? Как будто доярка не может быть партизанкой.

– Так, все собрались. Тишина в студии. Идет запись. Так пошел на Лизу крупный план.

– Аркадий Владимирович. А Лиза в обморок упала.

– Ну правильно. По сценарию, ее вытаскивают из петли, она падает в обморок.

– Да нет. Она по-настоящему потеряла сознание.

– Ну приведите ее в чувство, дайте нашатырь. Света. Чаю горячего, сладкого или кофе.

– Вот видите, как играть надо. Не играть, а жить жизнью героини. Лизонька. Только пожалуйста в следующий раз, по-настоящему в обморок падать не надо. Вы нам еще живая и здоровая нужны. Так дальше снимаем. Лизонька. На сегодня вы свободны. Отдыхайте.

Лиза вернулась в общежитие. Ей не здоровилось, она прилегла на кровать. Девочки пили чай.

– Лиза. А ты почему не кушаешь. Садись, пока чай свежий, горячий.

– Да что-то мне совсем плохо. Чай я уже пила недавно. Мне наливали на студии. Когда я потеряла сознание.

– Да ты что? Во дела. Да ты гастрит заработала или язву чего доброго ждешь. Ты же целую неделю сидела на одних сухарях.

– Точно, сходи в больницу, проверься. Это не дело. Уже в обморок падаешь.

– На что жалуетесь? Лиза пришла на прием к терапевту.

– Слабость, тошнота, голова кружиться.

– Сейчас посмотрим. Врач слегка подавила живот. Здесь болит? А здесь болит?

– Нет, нигде не болит. А что-то слабость.

– И давно у вас эти симптомы. Месяца два. Утром сдадите анализы, кровь и мочу. Придете через 3 дня на прием. Посмотрим, что у вас там случилось.

– Так. Анализы хорошие. Я со своей стороны ничего не нахожу, все в норме. Вам направление к гинекологу. Кстати.

Он как раз сейчас работает. Можете пройти в 3 кабинет. Лиза зашла к врачу.

– Вот терапевт к вам направил. Она посмотрела анализы. Месячные, когда были в последний раз?

– Месячные? Лиза задумалась. Не помню.

– В этом месяце? Были?

– Не помню.

– Что же вы девушка. Молодая, а ничего не помните. Амнезия у вас давно? Снимайте трусики, ложитесь на кресло.

– А колготки тоже снимать?

– Миленькая моя. Что же я вас через колготки буду смотреть. Естественно все снимать. Вы замужем?

– Нет.

– А погулять то конечно очень хочется. Да?

– Я не гуляю. Мне некогда, я учусь.

– Для этого деточка времени много не надо. Боже ты мой.

Ну и дела! Вы пока полежите я заведующую позову. Пусть она на это посмотрит.

– Полюбуйтесь. Ирина Григорьевна. Непорочное зачатие.

– Непорочное зачатие только в сказках бывает, Люда.

– А это тогда что? Девичья плева не нарушена. Механических повреждений нет. Это надо так было умудриться. Ну и что вы на это думаете?

– На моей практике такого еще не было. Пройдемте-ка в кабинет УЗИ, мы тоже пройдем. Любопытно. Однако.

– Ну что. Имеется плод. Кожа нежная, розовая. Покрыт

пушистыми волосками, прослушивается слабое сердцебиение, пол мужской. 24-26 сантиметров, вес немного отстает от нормы 250-280 граммов, 20-22 недели, легкие толчки. Лиза выпучила глаза.

– Какой плод? Это у меня, что ли плод? Откуда он взялся?

– Милочка, девочка моя. Вы уже взрослая. Вам объяснить откуда берутся дети?

– Я знаю откуда берутся дети. Но у меня он откуда взялся?

– Вот современная молодежь. Пожалуйста. Откуда взялся. Вы даже не помните, откуда он у вас взялся. Ах да, у нас же наблюдается амнезия. Я скажу вам милочка. Беспорядочный образ жизни. Ночные прогулки до утра.

– Да я даже еще не целовалась ни с кем.

– А вот поцелуй деточка, как раз для этого необязателен.

– Нет. Ну это же просто бред. Это просто мистика какая-то.

– Ваша мистика, деточка, уже живет, существует и даже уже ножками сучит. Уже даже сердечко прослушивается. У вас кстати мальчик, деточка.

– Какой мальчик? Откуда мальчик?

– По-видимому тоже от мальчика.

– От какого мальчика?

– Ирина Григорьевна. Меня смущает наличие девственной плевы. Как такое может быть? Полового сношения не наблюдается даже близко. Получается, как в народе говорят, ветром надуло.

– Это не грипп. Дети воздушно-капельным путем не размножаются. Да, но сейчас не до шуток. Лиза плакала. Она просто рыдала.

– У вас есть валериана, накапайте девушке.

– Ну я не знаю, как это могло произойти? Откуда он мог взяться?

– Может села куда-то на травку, подцепила этих гадов.

– В туалете села на унитаз, на котором до нее сидела женщина после случки.

– Может в автобусе, мужики гады, прислоняются, кончают на девушек.

– Ну как-то это произошло, ведь.

– А он, что теперь уже сам не выйдет?

– Почему выйдет, уже через 4 месяца.

– А! А! А! Кричала Лиза. А может это инопланетяне? Опыты делают над людьми, над женщинами? Я читала в научном журнале.

– В любом случае. Инопланетяне или не инопланетяне, где его хозяин – не известно. Тебе девонька придется с ним жить. Давай ка успокаивайся, питайся по лучше. Витамины, овощи, фрукты, печень. Гемоглобин тебе нужен. А то смотри какая худенькая, кожа да кости и плод плохо развивается, отстает в развитии.

– А если я есть не буду, он там сам не рассосется?

– Ты можешь теперь есть или не есть, он теперь в тебе. Он за счет тебя теперь питается. Твои соки из тебя тянет. Скорее

вперед ты загнешься, а он уже после тебя.

– Ну что мне теперь с ним делать? Как мне с ним дальше жить? Я прошла такой конкурс. 100 человек на 1 место. А если узнают, меня же из института сразу выгонят. А вы можете не сообщать мне на учебу, о моей беременности.

– А нам это надо? Тебе нужно пойти в женскую консультацию, встать на учет, завести карточку роженицы.

– А! А! А! Закричала Лиза. У нее опять началась истерика.

– Успокойся девочка, главное не нервничать. Береги себя. Береги ребеночка. Никаких физических нагрузок, не бегать, не прыгать, в бане не париться.

– Но у меня же гимнастика?

– Скажешь, что временно приболела. И помни, что все дети даются от Бога.

– Он от Бога? Этот нахальный тип? Вероломно влез в меня, в мою жизнь, в мои планы. Как мне дальше жить с этим? С этим дьяволом, сатаной.

– Ребенок то не виноват.

– Не виноват? А кто виноват? Кто его звал? Зачем он пришел? Лиза пошла в общежитие, убитая нелепой новостью, с тяжелой ношей на плечах, с опущенной головой, со слезами на глазах.

– Ты почему не кушаешь?

– Устала. Что-то не хочется совсем ни есть, ни пить, ни жить.

– Ну что сказали в поликлинике?

– Так. Ничего хорошего. Она задумалась. А. В поликлинике сказали, что просто съела, что-то плохое, несвежее. Она вспомнила, снова заплакала. Таблетки попить, витамины, получше питаться.

– Ну хорошо. Хоть ничего серьезного.

Лиза боялась говорить девочкам по комнате, о своей беременности, в которую сама то с трудом верила, чтобы не было лишних пересудов. Это же сейчас быстро разнесется по институту, смеяться будут, пальцем показывать. Разве кто-нибудь сможет поверить в такой бред, инопланетяне, непорочная беременность.

Она всю ночь не спала, она только плакала и думала, как ей дальше жить. Что с ней теперь дальше будет. За ним нужно будет ухаживать. Институт теперь для нее закрыт навсегда. А мама. Как ей сказать об этом? Скажет. Артистка моя, с укором. Не успела выскочить из дома, уже побежала по мужикам. Что не могла хотя бы пару лет подождать. Я растила тебя одна без мужика, чтобы на старости лет ты меня опозорила.

Разве она сможет поверить в такое, что он сам появился неизвестно откуда. Залез, гад, сидит там как не в чем не бывало. Паразит! Она смотрела на свой живот. Ты откуда взялся? Что тебе от меня нужно? За что мне все это, Господи. Пошел вон от сюда гад. Оставь меня в покое. Найди себе другое тепленькое местечко, пригрелся тут, сволочь. Она плакала в

подушку, просто не могла успокоиться. Ей так хотелось найти такое место где никого нет, чтобы там она могла вдоволь наораться, нареветься от души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.